

* Юбилейный дневник

К 100-ЛЕТИЮ * * *
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Владимир СОЛОУХИН

СМЕХ ЗА ЛЕВЫМ ПЛЕЧОМ ЧЕРНЫЕ ДОСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 2026

УДК 821.161.1-94:76.04
ББК 84(2Рос=Рус)6-44:85.14
С60

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

*Фотография на обложке предоставлены:
ФГУП МИА «Россия сегодня» и ФГУП ИТАР-ТАСС
(Агентством «Фото ИТАР-ТАСС») —*

Скурихина Майя / РИА Новости и Владимир Савостьянов / ТАСС

*В оформлении издания использованы фотографии,
предоставленные ФГУП МИА «Россия сегодня»*

Художественное оформление — Григорий Калугин

Солоухин, Владимир Алексеевич.

С60 **Смех за левым плечом. Черные доски / Владимир Алексеевич Солоухин. — Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2026. — 384 с. — (Военный дневник).**

ISBN 978-5-17-160843-9

Книга приурочена к 100-летию со дня рождения советского и российского писателя, представителя так называемой «деревенской прозы» Владимира Алексеевича Солоухина.

В издание вошли автобиографическая повесть «Смех за левым плечом» (1988) и «Черные доски. Записки начинающего коллекционера» (1969).

В автобиографической повести «Смех за левым плечом» Владимир Солоухин рассказывает читателям об укладе деревенской жизни, своем детстве, радостях и печалях. Затрагиваются такие важные темы, как человечность и жестокость, способность любить и познавать мир, философские вопросы бытия и коллективизация. Все повествование наполнено любовью к природе, людям, родному краю.

В произведении «Черные доски» автор повествует о своем опыте коллекционирования старинных икон, об их спасении и реставрации. Владимир Солоухин ездил по деревням, собирал сведения о разрушенных храмах, усадьбах, деревнях в попытке сохранить и донести до будущего поколения красоту древнего русского искусства.

УДК 821.161.1-94:76.04

ББК 84(2Рос=Рус)6-44:85.14

ISBN 978-5-17-160843-9

© Солоухин В.А., наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

СМЕХ ЗА ЛЕВЫМ
ПЛЕЧОМ

Ни в среде, ни в наследственности
не могу нащупать тайный прибор,
оттиснувший в начале моей жизни
тот неповторимый водяной знак,
который сам различаю, только подняв
его на свет искусства.

Вл. Набоков

— В конце концов, из хаоса, называемого прогрессом, можно выделить три основные линии.

— Не слишком ли упростим?

...Место на земле, по которому мы шли, а точнее сказать, прогуливались, располагало к неторопливому разговору. Это был парк бывшего княжеского имения, а теперь профсоюзного дома отдыха. Но, конечно, это обстоятельство не имело никакого значения для направленности нашего разговора. Точно так же мы могли бы идти по полевой тропинке, по дороге в диком лесу или по «царской тропе» в Ливадии.

Но все же ради точности надо сказать, что это было в парке профсоюзного дома отдыха (в бывшем княжеском парке) в тихий февральский день.

Да, был тот самый день февраля, в какой, наверное, навсегда и закрепилось за этим месяцем народное прозвание — февраль-бокогрей. Воздух был тих, свеж и холоден. Здесь у нас, на земле, внизу — где деревья, кусты и снег, — весь воздух был составлен из сложнейшего, не поддающегося никакому геометрическому учету взаимопересечения и взаимопроникновения голубых и золотистых объемов. Объемы, наполненные солнечным светом, все как один были золотистые, а объемы, наполненные тенью, — голубыми, синеватыми и даже, при особой концентрации тени, — темно-синими. Кусты сирени держали снег на своих ветках. Каждый ком снега

на ветке был наполовину золотой, а наполовину синий. И каждая тень от ветки на снег или на другую ветку, и тень от снежного комка на другой снежный комок, и пустое пространство между снегом и ветками — все это представляло собою такое сложное взаимодействие голубого и золотистого, что, право же, ни один геометр не мог бы этот мир, этот праздник света разять и разложить на его простейшие составные части: конусы, шары, овалы, кубики, параллелепипеды, трапеции и квадраты... Только красногрудые снегири, снующие и порхающие в сине-золотистых пластах и объемах, разнообразили и нарушали наши чисто геометрические ассоциации. Только гораздо выше кустов и деревьев мир выравнивался в световом отношении, всякие пересечения света исчезали, сливаясь в ровную, беспредельную синеву с четко очерченным солнцем среди нее. Я потрогал ладонью свою левую щеку и узнал, что она холодная, на правой же щеке ладонь услышала тепло, не мое, не телесное и кровяное, но лежащее на щеке нежным (золотистым?) слоем вселенское, солнечное тепло.

Февраль-бокогрей. Воздух тих, светел и холоден, снег хрустит, а с обреза крыши, обращенного к солнцу, редко, прозрачно капает. Зарождаются и растут сосульки.

Итак:

— Не слишком ли упростим? — возразил мне мой действительный ли, мнимый ли собеседник. Потому что как будто не мог я и один идти по длинной аллее бывшего княжеского парка в февральском сиянии золотого и синего, и возражать самому себе, и соглашаться с самим собой.

— Да, вот именно, не слишком ли упростим, выделяя из всей сложности так называемого прогресса три основные линии? От пещеры до Версаля, а от Версаля до

стеклянных небоскребов, до вилл, коттеджей, особняков с горячей водой, телевизорами, холодильниками, калориферами, домашними барами, удобнейшими постелями, электрическими кухнями, специальными автоматами для производства льда, со стенами, раздвигающимися от нажатия кнопки, и гаражами, вмонтированными в само здание... А там еще от мазурки до твиста, от живого течения философских истин до окостенелых догм, от Дюрера и Веласкеса до измятых консервных банок, прикрепляемых к холсту и выдаваемых за живописное искусство, от арбалета до межконтинентальных ракет, от рыцарского копья до луча лазера, от бумажного змея до мягкой посадки на Луне, от жировых коптилок до гидростанций, от огромной детской смертности до катастрофического падения деторождаемости, от чумы до наркомании и алкоголизма, от ясности, порождаемой невежеством, до растерянности, порождаемой огромными знаниями, от побивания камнями, распятия на кресте и сажания на кол до электрического стула, от «гуманного» электрического стула до жестокого направленного влияния на наследственность (на гены)... Вы только вспомните, охватите единым умственным взглядом всю современную жизнь современного человечества... Как же уложить всю ее в три линии, в три пути?

— Не будем торопиться и возьмем сперва одну линию.

Было время, когда человек пробегал марафонскую дистанцию за три с половиной часа, и это вызывало всеобщее восхищение. Сейчас марафонцы бегают за два часа с минутами. А недавно в спортивной газете я прочитал статью с вопросительным заглавием: «Марафонская дистанция меньше, чем за два часа?»

Было время, когда человек пробегал стометровку за тринадцать секунд, и это время считалось рекордным.

Теперь у спринтеров дело подошло к тому, чтобы разменять десять секунд.

Прыжки в длину, в высоту, поднятие тяжестей, ныряние в глубину, плавание — какой бы вид спорта мы ни взяли, повсюду мы встречаемся с достижениями, которые сто лет назад казались бы нереальными. Значит, человек как таковой развивается, прогрессирует, он становится быстрее, сильнее, ловчее. Ну... не мы с вами конкретно, но человек в целом, человек как таковой. Значит, это одна из линий его прогресса.

Вторая линия наиболее очевидна. От каменного топора (как оружия) к водородной бомбе, от пироги, выдолбленной из ствола дерева, к современному авианосцу, от мотыги к шагающему экскаватору, от арбы к автомобилю... Радио, космические полеты, синтез белка, ну и так далее и так далее — прогресс невероятный, неправдоподобный, фантастический. И это — вторая линия.

— Существует еще и третья?

— А как же! Древние пророки говорили: «око за око» и «не убий». «Человек человеку — волк» и «все люди братья», «горе побежденным» и «возлюби ближнего, как самого себя».

Нравственность, моральные принципы, нормы поведения, примеры добра, воспитание духовных качеств, а значит, и все искусство и его изменение на протяжении веков — это тоже ведь линия развития. Куда же все это деть?

— Итак, мы наметили три линии...

— Да, три линии. А теперь подумайте и скажите, найдется ли хоть один факт, хоть одно явление в человеческой деятельности, которое было бы сверх этих трех линий и принадлежало бы некоторой четвертой?

— Пожалуй, вы правы. Искусство — третья линия. Наука, даже самая отвлеченная — все-таки вторая. Раз-

ве что чистый разум, философия... Да и то философия становится непременно либо наукой, либо политикой. Религия как чувство, может быть, и могла бы стоять особняком, но она ведь неотделима от нравственности. Общественное устройство опирается на технический прогресс и на моральные (или аморальные) принципы... Сдаюсь, сдаюсь. Три линии — и ничего больше!

— Поскольку мы согласились с тремя линиями, посмотрим, куда ведет каждая из них.

— Но мы же уяснили, что первая линия — это развитие мышц и вообще физических способностей, вторая — развитие интеллекта и третья — духовная жизнь.

— Да, но если обобщить и назвать?

— Например?

— Например... Только вы не удивляйтесь нарочитому огрублению, резкости суждения и непривычности слова, но я считаю, что первый путь развития — это путь человека к животному.

— Ну, знаете ли!

— А что? Леопард, пума, лев, горилла, слон... все равно эти звери сильнее людей, бегают быстрее, прыгают выше и дальше нас. Много-много чего мы достигнем на пути физического развития, так это приблизимся к нашим четвероногим сожителям. Посмотрите на кошку. Она легко вспрыгивает на комод, который выше ее роста во много раз. Ведь не вспрыгнет же человек одним прыжком на крышу двухэтажного дома! Она грациозна, молниеносна, ловка. Она совершенна с точки зрения мышечного устройства. Я видел, как маленький паучок спускался с ветки высокого дерева, все выпуская и выпуская из себя паутинку. Это все равно как если бы человек спускался с облака. Но когда паучок уже почти достиг земли и травы, ему что-то не понравилось, и он,

теперь уже убирая паутинку, быстро поднялся опять. Каково? А белка, перепрыгивающая с дерева на дерево так, как если бы человек перепрыгнул с одного дома на другой через городскую площадь... Нет, идя по первой линии, человек культивирует и улучшает в себе чисто физические, чисто животные качества: силу мышц, их эластичность, их выносливость. Я не говорю, что это плохо. И слово «животное» я употребляю в хорошем смысле этого слова, а не в том, когда говорят про пьяного или примитивного человека: «Ну ты, животное!» Пусть люди будут сильны, ловки, выносливы и грациозны, как звери, пусть. Есть ведь и еще две линии одновременного и сложного развития человека, которых животные лишены.

— И куда же ведет вторая?

— К дьяволу. К сатане. Не к тому конкретному дьяволу, разумеется, который поджаривает грешников на сковородке и кипятит их в котле, а к тому условному, умозрительному дьяволу, который в сознании человека (человечества) существует как воплощение и олицетворение зла. Да если бы все зло мира могло воплотиться в живое существо, мохнатое и с рожками, то это существо хохотало бы и потирало руки, глядя, как мы, попав в его хитрую ловушку, лезем в нее все дальше и дальше. Особенно оно хохочет, когда мы это все более глубокое залезание в ловушку называем прогрессом. Да, оно хохочет, и надобно быть совершенно глухим (духовно), чтобы не слышать этого жуткого сатанинского хохота.

— Но блага, которые принесла нам цивилизация, они ведь бесспорны...

— Прежде всего, блага, которые принесла нам цивилизация, в большинстве своем условны.

— Что же условного в троллейбусе, вообще в автомобиле, телевизоре, городской квартире, телефоне, пенициллине, валокордине, в конце концов?

— Троллейбус — несомненно благо. В нем можно быстро и удобно доехать до места работы, до магазина, до рынка. Но почему троллейбус воспринимается нами как удобство и благо? Только потому, что существует пренеприятнейшая необходимость тащиться на другой конец города к месту работы или на базар.

Городская квартира — это прекрасно. Особенно если в Москве. Но вот уже вы должны толкаться в электричке, чтобы доехать до чистого воздуха, до чистой воды и до чистой травы, которые все являются уже не условными, а подлинными благами. А если вы хотите добираться до чистого воздуха и до чистой воды-травы скорее других, вы заводите себе автомобиль и вместе с ним приобретаете множество дополнительных, вредных и в общем-то не нужных человеку хлопот. Не забудем также, что ежегодно на земле гибнет в автомобильных катастрофах четверть миллиона человек, а три миллиона получают ранения и увечья.

Прекрасно и удобно метро. Но разве не от горькой нужды мы загоняем сами себя под землю и ползаем там по разным, пусть и красивым переходам. Не естественнее ли было бы человеку вольготно ходить по земле, там, где деревья, солнце и облака?

Если присмотреться и опомниться, то не трудно заметить, что каждое благо цивилизации и прогресса существует лишь для того, чтобы «погасить» какую-нибудь неприятность, цивилизацией же порожденную.

Великие блага — пенициллин, валокордин, валидол. Но для того, чтобы они воспринимались как благо, нужна, увы, болезнь. Здоровому человеку они не нужны.

Точно так же и блага цивилизации, Вот в чем главная сатанинская заковыка. Мы утоляем жажду напитком, еще больше разжигающим нашу жажду. И остановиться уже нельзя.

Вы только представьте себе: дышать свежим воздухом нужно ехать за сто километров! Да и свежего воздуха становится все меньше и меньше. Почти все реки отравлены и загрязнены. Встает вопрос, чтобы добывать пресную воду из морской. Это на нашей-то планете, которая как будто нарочно создана, чтобы удовлетворять все и физические, и духовные потребности человека. Потому что на ней и все есть, и она умопомрачительно красива. Ее красота располагает к созерцанию, к самосозерцанию, к радости, к ликованию, к любви, к умиротворенности, к общению с беспредельным и вечным.

Но, идя по второй линии, как мы ее определили, человек запутался и сбился с пути. Истинные блага, дарованные нам на земле, он либо отодвинул от себя, так что не может ими повседневно пользоваться, либо в заблуждении не считает за блага, а пользуется благами мнимыми и считает за благо все то, что вовсе не является благом.

Как рыба создана жить в воде, а птица создана летать, так человек создан жить среди природы.

Вместо того, чтобы жить несуетливой, размеренной, в ритме календарного года жизнью, есть простую, но здоровую пищу, пить светлую вкусную воду, дышать чистым воздухом, пользоваться огнем от сгорающего дерева, ежедневно физически трудиться (но не подневольным трудом), удовлетворяться тишиной и миром домашнего очага, находиться в постоянном контакте с землей и небом, с природой... Нет, я не говорю, что был такой вот золотой век, полная благодать и все были

счастливы. Но если бы человечество через все людские беды и неурядицы стремилось к такому образу жизни и заметно приближалось к нему, если бы при этом развивались и обогащались духовные способности человека, то это был бы, конечно, истинный прогресс. А теперь... Сигарный дым вместо свежего воздуха или дым городов, работа в шумных цехах, повсеместный алкоголь, наркотики, повсеместный распад семей, сложные коктейли вместо чистой воды, кошмар телевизора, дикие искусственные скорости, постоянная спешка, гонка, нервы, а отсюда — болезни и болезни...

Один германский ученый так сформулировал эту мысль:

«Беспеременно убастряющийся технический и промышленный прогресс должен быть оплачен постоянно усиливающимся человеческим регрессом, оскудением гуманного начала».

Статья Иоахима Бедемора, откуда взяты эти слова, напечатана в «Литературной газете» 5 марта 1969 года. Можете прочитать.

Заманчиво, конечно, побывать на другом конце страны, земли, на другом континенте за два, за четыре часа, за восемь часов. Но это если есть необходимость мчаться туда сломя голову. Необходимость же эта мнимая, человек породил ее сам, вернее, она порождена, возникает перед ним помимо его воли и сознания как результат его движения по второй линии.

И вот еще что. Марко Поло, Афанасий Никитин, Крашенинников, Чехов, Гончаров, Чарльз Дарвин, Карамзин, Миклухо-Маклай (не будем продолжать списка) совершили каждый в свое время далекие многомесячные и многолетние путешествия соответственно в Китай, в Индию, на Камчатку, на Сахалин, на фрегате «Палла-